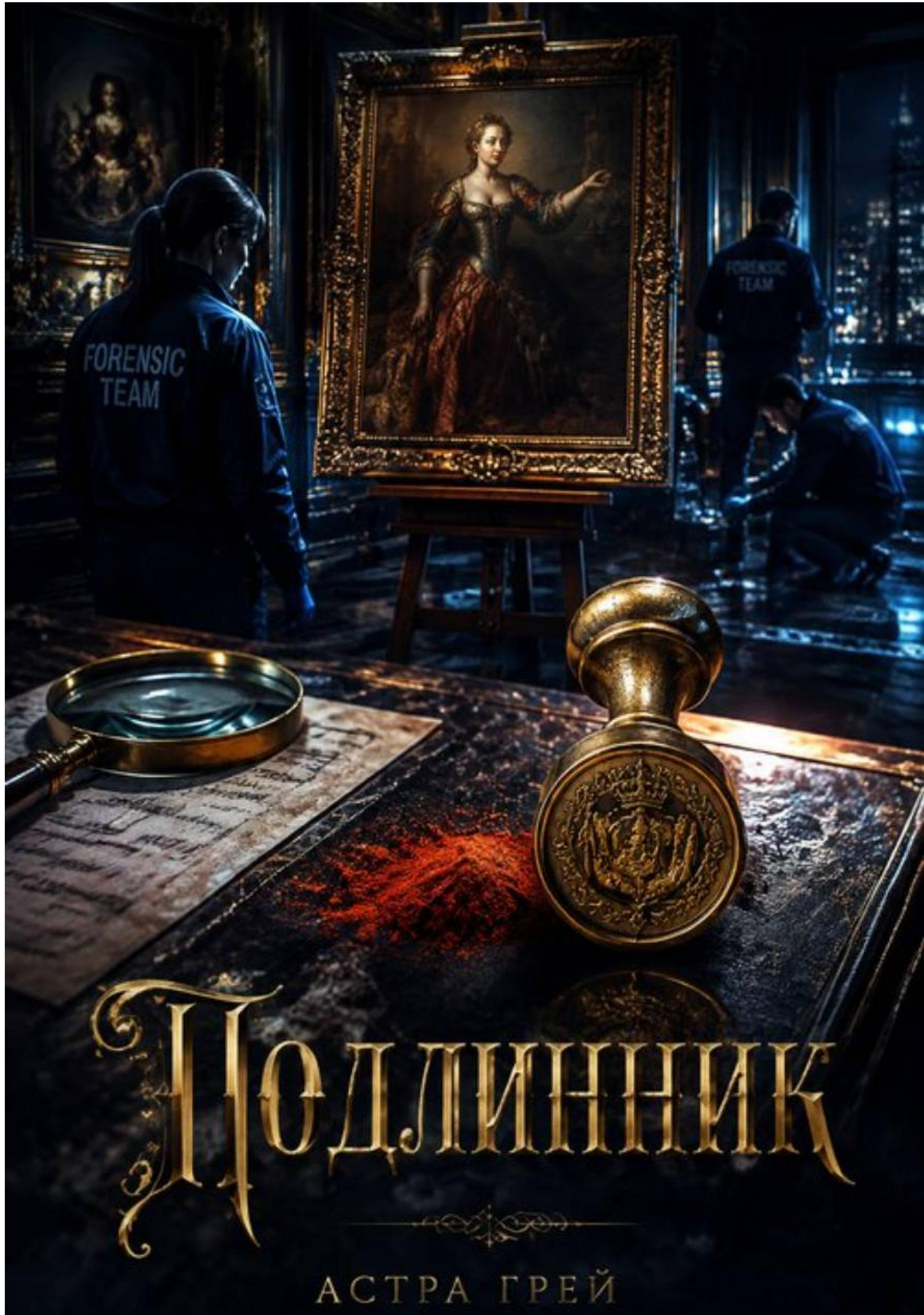

Подлинник

АСТРА ГРЕЙ

Астра Грей

Подлинник

«Автор»

2026

Грей А.

Подлинник / А. Грей — «Автор», 2026

Убийство Полины Вяземской — владелицы элитной галереи «Атриум» — выглядело как изысканный перформанс. Смертельный яд на губах, золотая киноварь на веках и таинственный атрибуционный чекан вместо подписи убийцы. Судебно-медицинский эксперт Лада Вершинина и старший следователь убийного отдела Егор Москалёв выходят на след масштабной аферы в мире арт-бизнеса. Цена вопроса — миллионы евро и утраченный шедевр XVII века художника Франкена, подлинность которого подделать невозможно... или всё-таки возможно? Чем глубже расследование уводит в теневой арт-рынок Москвы, тем больше улик указывает на ближний круг жертвы: виртуозного фальсификатора, светского льва и эксперта Арсения Разумовского и теневого коллекционера Виктора Покровского. Но в мире, где каждая деталь — мастерская имитация, даже самое очевидное доказательство может оказаться фальшивкой. Ладе и Егору предстоит выяснить, где заканчивается подделка и начинается настоящая кровь.

© Грей А., 2026

© Автор, 2026

Астра Грей Подлинник

Подлинник

«Настоящий фальсификатор пишет не картину. Он пишет чужие страсти, чужие грехи и собственную безнаказанность».

— *Из судебно-медицинской монографии Л. В. Вершининой*

ГЛАВА 1. Алебастровая кожа

Осенний дождь барабанил по крыше служебного УАЗа с упрямой, раздражающей ритмичностью. Ноябрьская Москва утопала в сумерках и липкой серой грязи. За запотевшими окнами проплывали мокрые фасады старого Замоскворечья, отсвечивая в лужах расплывчатыми желтыми пятнами фонарей.

В салоне пахло сырой шерстью, дешёвым табаком и остывшим кофе из бумажного стаканчика, который стоял в подстаканнике.

— Опять богема развлекается, — пробурчал Егор Москалёв, не отрывая взгляда от залитого водой лобового стекла и крутя тяжелый руль. — Галерея «Арт-Канон». Закрытая презентация, приватный показ, вход строго по рекомендациям. И, разумеется, ни одной нормальной наружной камеры во дворе. Полагаю, потому что они «нарушают исторический облик здания XIX века».

Лада Вершинина сидела на переднем пассажирском сиденье, положила узкие, длинные ладони на крышку своего металлического экспертного кейса.

— Что конкретно передала дежурная часть? — спросила она. Ее голос звучал ровно, собранно — привычный внутренний барьер, который она возводила перед каждым выездом на труп.

— Передали, что совладелица галереи с полуночи не выходила на связь, а полчаса назад её обнаружил утренний сменщик прямо в экспозиционном зале, — Москалёв свернул во двор, обнесенный чугунной оградой. — Охрана уверяла, будто девушка просто заснула в кресле после закрытия, пока сменщик не подошел ближе и не попытался ее разбудить.

УАЗ мягко затормозил у двухэтажного особняка из темно-красного кирпича. У входа уже перемигивалась синими огнями машина патрульно-постовой службы.

Лада накинула капюшон непромокаемого плаща, подхватила тяжелый кейс и вышагнула в сырую прохладу осеннего воздуха. Москалёв вылез вслед за ней, тяжело хлопнув дверью, застегнул потертую кожаную куртку и привычным, хищным взглядом окинул периметр двора.

Внутри особняка царил особенный микроклимат. Воздух был пропитан сложной смесью дорогого парфюма, натурального воска, даммарового лака, скипидара и едкого растворителя пинена №4. Но под этим богатым «арт-букетом» рецепторы Лады мгновенно уловили иной, едва заметный, но ни с чем не сравнимый оттенок. Едва уловимая, сладковато-железистая нота начинающегося биологического распада.

— Сюда, доктор, — шепотом произнес молодой патрульный, провожая их через массивные дубовые двери с резными накладками в главный зал.

Помещение было оформлено с претензией на музейную роскошь: стены выкрашены в глубокий темно-зеленый цвет, на полированном до зеркального блеска паркете лежали тусклые рельефные дорожки, а направленные софиты выхватывали из полумрака тяжелые золоченые рамы с картинами.

А в самом центре зала, на небольшом деревянном подиуме, стояло резное кресло с высокой спинкой.

В нем сидела девушка.

На ней было пышное, тяжелое платье из винно-красного бархата с широким кружевным воротником. Поза казалась удивительно естественной, почти изящной: голова чуть склонена к правому плечу, левая рука мягко покоилась на резном подлокотнике, а пальцы правой руки сжимали одинокий, высохший бутон темной розы.

Но кожа ее лица имела противоестественный, абсолютно матовый, алебастрово-фарфоровый оттенок, а полуоткрытые глаза смотрели в потолок сквозь мутную пленку.

— Полина Вяземская, 26 лет, — произнес Москалёв, останавливаясь за спиной Лады и засунув руки глубоко в карманы. — Совладелица этого заведения.

Лада поставила кейс на паркет, щелкнула защелками и опустилась на одно колено перед подиумом. Надев латексные перчатки, она достала портативный светодиодный фонарик и направила тонкий луч света на лицо погибшей.

— Грим невероятно плотный, — тихо проговорила Лада, чуть приблизив лицо. — Посмотри на губы, Егор. Это не помада. Текстура зернистая, плотная. И на веках тоже... Это художественный пигмент. Ручной замес.

— Апчхи!

Звук раздался неожиданно — из полумрака за высокой витриной, где экспонировалась бронзовая пластика.

Через секунду оттуда вышел мужчина. Высокий, подтянутый, в безупречно скроенном темно-синем пиджаке и с белоснежным носовым платком в руке, которым он судорожно прикрывал нос. Его глаза заметно слезились, но даже это не портило его холеного, породистого лица с аккуратно уложенными темно-русыми волосами.

— Простите... искренне прошу прощения, — его голос звучал мягко, с бархатистыми, глубокими интонациями. — Я старался сдерживаться, но этот... этот концентрированный химический букет...

— Ты кто такой? — Москалёв мгновенно развернулся к нему корпусом, перекрывая доступ к подиуму. — И почему посторонний находится на месте преступления?

— Арсений. Арсений Разумовский, — мужчина слегка поклонился, аккуратно промакивая уголки слезящихся глаз. — Старший эксперт-искусствовед галереи и консультант Главного управления по атрибуции. Полицию вызывал я, когда пришел утром для проверки экспозиции перед торгами.

— И почему вам тут так тяжело дышится, господин эксперт? — Москалёв смерил его тяжелым, недобрым взглядом. — Аллергия на живопись или совесть не вовремя проснулась?

— На формалин, — неожиданно подала голос Лада, не отрываясь от осмотра. Она подняла голову, снизу вверх глядя на искусствоведа. — У вас выраженная реакция на параформальдегид и органические фиксаторы. Я права?

Арсений на секунду замер. В его светлых глазах мелькнуло искреннее удивление, мгновенно сменившееся нескрываемым откровенным восхищением.

— Поразительная чуткость... — произнес он, слегка наклонив голову. — Да, вы абсолютно правы, доктор... Вершинина, если я верно запомнил фамилию на шевроне вашего коллеги? Мой организм катастрофически не переносит фиксирующие растворы. А от вас... простите за прямую оценку... веет ими весьма отчетливо. Впрочем, вам этот холодный, профессиональный флёр невероятно идет.

Егор издал короткий, раздраженный звук — не то кашель, не то смешок:

— Так, ценитель флёра, давай без поэзии. Что ты можешь сказать по существу?

Арсений аккуратно обошел Егора по дуге и приблизился к подиуму, держась на безопасном расстоянии от открытого кейса Лады.

— По существу, майор? Перед вами не просто убийство. Это прямая цитата. «Портрет неизвестной в винном бархате» мастера Франкена. Середина семнадцатого века. Полина вчера хвасталась, что выкупила оригинальный холст у частного коллекционера. Но кто-то решил превратить в этот «шедевр» ее саму.

Лада осторожно приподняла подбородок девушки. Трупное окоченение уже полностью сковало шейные мышцы.

— Смерть наступила от восьми до двенадцати часов назад, — констатировала Вершинина, посветив фонариком в полуоткрытый рот погибшей. — Посмотри на слизистые, Егор. Сильная гиперемия, язвенные поражения, выраженный отек гортани. На шее нет странгуляционных борозд, на теле нет колотых ран. Её отравили. Отравили через нанесение токсичного пигмента прямо на губы и внутреннюю поверхность век.

— Киноварь и сурьма, — тихо добавил Арсений, глядя на Ладу с глубоким профессиональным уважением. — Старинные пигменты. Сульфид ртути и соединение мышьяка. При контакте со слизистой они действуют как мгновенный яд.

— В морг, — Лада поднялась и закрыла кейс. — Там я сделаю подробный смыв, взятие образцов и полную токсикологию.

— Я поеду с вами, — неожиданно заявил Арсений, глядя прямо на Вершинину. — Я знаю рецептуру Франкена. Я могу быть вам полезен, доктор.

— В морге пахнет именно тем, от чего вы чихаете, Разумовский, — сухо отрезал Москалёв. — Задохнешься еще.

— Я выдержу, — улыбнулся Арсений, не сводя глаз с Лады. — Ради истины. И ради хорошей компании.

Как вам первая глава в таком глубоком исполнении? Готовы переходить к Главе 2 (подробному вскрытию в секционном зале)?

ГЛАВА 2. Анатомия пигмента

Секционный зал №3 встретил их привычной, звенящей тишиной, разбавляемой лишь монотонным гулом мощной приточно-вытяжной вентиляции. Белый, бессмысленный свет люминесцентных ламп заливал каждый угол, смывая любые намеки на загадочность, которые еще час назад присутствовали в полумраке галереи «Арт-Канон». Здесь, на кафельном полу и среди столов из нержавеющей стали, искусству места не оставалось. Оставалась только сухая анатомия.

Арсений застыл прямо у массивной двустворчатой двери. Защитный одноразовый халат сидел на нем нелепо, но куда хуже дело обстояло с лицом: искусствовед заметно побледнел, а его белоснежный платок снова оказался намертво прижат к носу.

— Ну что, эксперт, добро пожаловать в наши пенаты, — иронично протянул Москалёв. Он уже успел прислониться плечом к кафельной стене возле входа, скрестив руки на груди. Его потертая кожанка осталась на вешалке в ординаторской, и сейчас Егор был в простой черной футболке, открывавшей плотные, мускулистые предплечья. — Это вам не Замоскворечье. Воздух тут стерильный, пусть и с легким характером.

— Впечатляющий... минимализм, — сипло ответил Разумовский из-под платка. Его светлые глаза слезились сильнее прежнего, но он упорно сделал три шага вперед, преодолевая видимое сопротивление организма, и замер в двух метрах от секционного стола.

Лада Вершинина к этому моменту уже полностью собралась. Высокие резиновые сапоги, плотный непромокаемый фартук поверх хирургического костюма, зафиксированные на затылке темные волосы и двойные латексные перчатки, с тихим щелчком обтянувшие кисти. В ее движениях прослеживалась та особенная, медитативная плавность, которая появляется у патологоанатомов и судебных экспертов после сотен проведенных вскрытий.

На столе перед ней лежала Полина Вяземская. Без винного бархата, без изысканных кружев и накладных ресниц — обычный биологический объект, ожидающий исследования.

— Включаю аудиопротокол, — Лада нажала клавишу на цифровом диктофоне, закрепленном на стойке бестеневой лампы. Металлический штырь микрофона чуть качнулся. — Вскрытие трупа гражданки Вяземской Полины Игоревны, 26 лет. Место проведения: секционный зал №3. Эксперт — Вершинина. Присутствуют: майор юстиции Москалёв, специалист-искусствовед Разумовский.

Она подтянула тяжелый плафон лампы ниже. Слепящий пучок света сконцентрировался на лице погибшей.

— Наружный осмотр, — четким, чеканным голосом проговорила Лада. — Трупик правильного телосложения, умеренного питания. Трупные пятна обильные, сливные, насыщенного багрово-фиолетового цвета, расположены по задней поверхности туловища и extremities. Ригор мортис — трупное окоченение — выражено во всех исследуемых группах мышц. На кожных покровах лица, в области носогубного треугольника, красной каймы губ и обоих век визуализируется плотный, слоистый налёт пигментированного вещества красно-коричневого и желтовато-зеленого оттенков.

Лада взяла со столика стерильный скальпель и тонкий металлический шпатель. Склонившись над телом, она аккуратно, едва касаясь пораженной ткани, поддела край застывшей корки на верхней губе Вяземской. Раздался слабый, сухой хруст.

— Текстура плотная, крошащаяся, — комментировала Лада. — При механическом воздействии вещество отделяется пластами. Под слоем пигмента определяется выраженная гиперемия, некроз эпителиального слоя и мелкие очаговые изъязвления. Вспышка локального химического ожога.

— Арсений, — не поворачивая головы, позвала она. — Подойдите. Посмотрите на структуру пока материал не отправлен на хроматографию.

Разумовский глубоко вдохнул через ткань платка, сделав шаг к столу. Достав из кармана халата небольшую лупу с встроенной ультрафиолетовой подсветкой, он навел её на место соскоба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.